

ВЛИЯНИЕ «ВОЕННОГО ФАКТОРА» НА ПОВСЕДНЕВНО-БЫТОВУЮ КУЛЬТУРУ РОССИЯНОК В XIX В.

«Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций».

Изучение повседневно-бытовой культуры российского общества в XIX в., отягощенной военным фактором, ранее специально не предпринималось. Между тем, войны, рекрутские наборы, призывы новобранцев, запасных и отпускных нижних чинов, постоянная и подводная повинности, другие проявления милитаристской политики государства вызывали серьезные изменения в повседневно-бытовом укладе россиян, влияли на облик, социальное поведение, менталитет, традиции повседневной жизни «рядового» человека.

Повседневная бытовая жизнь – это область, которая, как писал Ю.Лотман, часто ускользает от внимания историков, в то время как для большинства людей она «составляла одну из наиболее осязаемых сторон реальности». До настоящего времени в российской науке исследование проблем повседневности, повседневной жизни в кризисные периоды российской истории почти не предпринималось историками, ставившими нередко знак равенства между исследованием «повседневной жизни» и «быта» [1].

Понятие «повседневности» введено в мировую историческую науку французской школой Анналов, а те – в свою очередь – начали свои исследования одновременно с возникновением так называемой «этнометодологии» или, как ее сейчас называют, «социологией повседневности» (everyday life, Alltagsleben, la vie quotidienne). Проблему «повседневной жизни» («Alltagsleben») комплексно исследовал немецкий историк Альф Люттке, работы которого позволяют оценить методологические направления и историографический дискурс современной западной исторической науки [2].

История повседневности, представляется нам, историей подробностей жизни, подробностей быта, отдыха, труда, гендерной истории. История повседневности – это еще и история повседневных переживаний простых людей, анализ их повседневного поведения и жизненного мира. Влиял ли на повседневность и ее структуры (семья, домохозяйство, индивидуальная, частная жизнь) военный фактор? Вне сомнения, да. Одним из первых о воз-

действии военного дела на бытовую жизнь народов в XIX в. написал Макс Иенса. По мнению автора, «между военными учреждениями и бытовой жизнью народа, то есть общим состоянием наций, существует самая тесная связь [3].

Однако влияние военного фактора на повседневную жизнь российского общества в XIX в. изучено очень фрагментарно и учитывалось чаще всего в плане воздействия на политические структуры и их состояние, динамику их развития в экстремальных условиях. Историками традиционно рассматривалось отношение общественности к началу и ведению боевых действий (патриотические настроения в разных слоях общества, добровольчество, пожертвования на войну, размер призывов, результаты мобилизации материальных ресурсов в общероссийском масштабе). Вопросы же взаимосвязи войны и жизни общества на локальном уровне (губернии, уезда, отдельных населенных пунктов) так же специально не изучались. Почти ничего не говорилось о том влиянии, которое оказывали войны на повседневную жизнь социума на микроуровне, как они воздействовали на жизнь малых социально-профессиональных групп, отдельных семей и «простых», «рядовых» людей. В отечественной историографии по истории войн XIX в. встречаются лишь единичные упоминания о влиянии военного фактора на повседневную жизнь населения России на региональном и микро историческом уровнях. К редким исключениям, можно отнести работу В.А.Александрова «Сельская община в России, в которой он впервые проанализировал влияние рекрутских наборов на семейно-повседневную жизнь в крестьянской общине, регулирование «миром» военной повинности и очередности призыва. Автором совершенно справедливо было подмечено, что «вопрос о роли рекрутин в повседневной жизни деревни исследованию не подвергался» [4].

В последнее время усилилось внимание исследователей к истории войн, которые вела Россия в XIX-XX вв. Об этом, например, говорят материалы, проходивших в 1997-2001 гг. научных конференций, посвященных войне, армии и российскому обществу. Так, в мае 1997 г. в Курске состоялась конференция «Армия в истории России», на которой обсуждались аспекты влияния на население российской провинции постоянной и рекрутской повинности, особенности регионального движения по сбору пожертвований на нужды войны [5]. В 1999 г. в Тамбове прошла международная научная конференция «Война и общество», где подверглись рассмотрению влияние военного фактора на различные слои российского общества в XIX-XX вв. [6]. В 2000 г. в Челябинске на международной конференции «Человек и война» (война как явление культуры) рассматривались темы воздействия военной поры на социокультурное развитие общества, в том числе и влияние на повседневность россиян [7]. В Нижнем Новгороде в апреле 2001 г. состоялась российская научная конференция «Homo Belli – человек войны в микроистории и истории повседневности: Россия и Европа XVIII-XX веков», на ко-

торой специальному рассмотрению подверглась повседневность военных лет. 13-14 февраля 2001 г. в институте российской истории РАН состоялась научная конференция «Человек в российской повседневности», на которой были затронуты важные вопросы связанные с разработкой проблемы. Широкому спектру проблем взаимоотношений общественности и государства, национальных аспектов войн имперского периода российской истории посвящен выпуск журнала «Ab Imperio» [8].

Западные историки реализуют новые методы исследования военного опыта мирного населения – этноисторический, социодемографический и историко-географический (См.: концепцию междисциплинарного проекта «Опыт войны. Война и общество в Новое время» (Sonderforschungsbereich «Kriegserfahrung»), разрабатываемую учеными Тюбингенского университета (Германия)). Данная концепция рассматривает войну как многоплановое явление, решительным образом воздействовавшее на повседневную жизнь различных групп населения [9].

Серьезное, глубокое изучение проблемы места и роли армии в Российской империи провел немецкий историк Дитрих Байрау [10]. Автор статьи выражает искреннюю признательность профессору Д.Байрау за его советы и рекомендации в разработке темы научного исследования.

Заключая вышесказанное, отметим, что проблема влияния военного фактора на повседневную жизнь российского общества в XIX в. представляет несомненный интерес и научную новизну. «Военный фактор» (войны, вооруженные конфликты, военно-мобилизационная деятельность государства) и сегодня продолжают оказывать непосредственное воздействие на российское общество, а также на повседневную жизнь отдельной семьи, «простого» человека. Каково было содержание повседневности людей в XIX в. в российской провинции?

Для получения ответа на вопрос, каким было воздействие военного фактора на повседневную жизнь провинциального российского общества, «рядовую» личность, семейно-бытовой уклад, социокультурную среду, менталитет россиян, представляется важным исследовать проблему по ряду направлений, которые условно можно объединить в несколько групп:

- воздействие военно-мобилизационной деятельности государства на повседневную жизнь общества в целом, различных социальных слоев, быт отдельного человека;
- влияние «военный фактор» на демографическую ситуацию, повседневную жизнь семей призванных на войну солдат, структуру семьи, брачность в российской провинции в предвоенные годы и в период собственно войн XIX в.;
- изменение менталитета и самосознания населения российской провинции в годы войн в ракурсе повседневности;

- гендерные аспекты повседневной-бытовой культуры и в свете этого - изменение трудовой, семейной, общественной жизни россиянок, вплоть до анализа затраты времени и физических сил, которые приходилось тратить женщине для поддержания осиротевших семейств, измерение «усредненного» социокультурного облика женщин и бытового их уклада в провинции.

Важно выяснить, например, как относились в семьях прошлого к военным кампаниям и воинскому призыву, изучить те особенности психологии повседневного поведения разных социальных слоев российской провинции, которые усиленно формировал и на которые оказывал влияние военный фактор. В чем была трагичность и неустроенность судеб вдов, матерей, сирот?

В нашем исследовании мы предполагаем рассмотреть лишь отдельные стороны воздействия «военного фактора» на повседневную-бытовую уклад настроения россиянок в XIX в. Представляется важным остановиться на изучении повседневной жизни наиболее «пострадавшей» от «военного фактора» категории российского общества – солдатских жен (рекруток, солдаток).

Сотни тысяч россиянок в XIX в. назывались «солдатками». Это термин обозначал не только брачные отношения с мужчиной-рекрутом, призванным на военную службу, но и отражал социально-правовой статус, менталитет «иног» положения женщины в социокультурной среде российского общества, особый тип повседневной жизни солдатской жены. Женщина становясь солдаткой, покидала свою сословную нишу, коренным образом меняла статус и прежнюю привычную повседневность.

Впрочем, эти изменения нередко несли женщине и освобождение. Так если она была крепостной, то по призыву мужа на службу становилась свободной, но принадлежащей, как и все дети рожденные ей после призыва мужа, военному ведомству [11].

В целом, в Российской империи в XIX в., к военному сословию принадлежали, кроме регулярных войск, находящихся на действительной службе, бессрочноотпускные и отставные нижние чины и их семьи, а также все население казачьих войск. Представители военного сословия не платили податей, имели особое управление и считались принадлежащими военному ведомству. Особенно тщательно государство следило за «потомством» солдатских семейств.

Так, законодательство о солдатских детях, относило к ним:

- 1) детей, рожденных от солдат, находящихся на службе;
- 2) детей инвалидов солдат;
- 3) детей незаконнорожденных солдатскими женами и их дочерьми [12].

Если жена была беременна в период призыва мужа в рекруты, то будущий ребенок также считался принадлежащим военному ведомству [13]. Военное министерство стремилось контролировать свое военное сословие, хотя учет нередко не отличался точностью. Местные власти, например, при-

знавали, что отчеты полицейских управлений о количестве солдаток, кантонистов, отпускников в статистические комитеты, часто наполняются цифрами произвольными, решительно не на чем не основанными [14]. Иногда «пропадали без вести» десятки, а то и сотни людей, которым приходилось потом доказывать свою сословную принадлежность. По наблюдениям Н.М. Дружинина и в государственной деревне местные органы относились более чем равнодушно к судьбе солдатки, этой беспомощной прослойки российского населения. Отсюда и рост «отлучившихся» солдаток: в 1842 г. оно составляло 1,4%, а к 1855 г. выросло до 10,7% [15].

Несмотря на жестокие кары и преследования за укрывательство рожденных кантонистов, россиянки отчаянно боролись за судьбу своих детей. Нередки были случаи, когда солдатки, стремясь спасти своих «кровинушек» от неизбежного в будущем призыва в армию, скрывали беременность, заявляли о рождении мертвого ребенка или выкидыша, а при возможности уходили в соседнее село или к знакомым в город, оставляя своих малюток знакомым или родственникам, которые объявляли о «неизвестных подкидышах» и брали их на воспитание. Несчастливая же мать лишь украдкой могла наблюдать за воспитанием и взрослением своего сына, который спасался от рекрутчины, но был лишен материнской ласки и тепла. Отмечались случаи, когда мать «усыновляла» и брала к себе в дом «неизвестного подкидыша», но такое положение было скорее исключением, чем правилом.

Правительство вынуждено было признать, что «естественная любовь родителей к детям, а отсюда опасение разлуки, часто побуждают их к сокрытию рождения... Солдатки при наступлении времени родов нередко оставляют настоящее местопребывание и, возвращаясь с новорожденными, называют их приемными или подкидышами, неизвестно кому принадлежащими; иногда даже после разрешения в том месте, где постоянно живут, оне тотчас отсылают новорожденных в другие селения и даже в другие губернии» [16].

Исследователи указывали, что иногда «родители благодарили Бога за то, что их дети имеют физические недостатки, делавшие их не годными к службе в армии» [17].

Впрочем, не все дети солдат причислялись к военному ведомству. В прежнем сословном состоянии оставались дети нижних чинов, рожденные до поступления их на военную службу. Иначе говоря, дети, рожденные в семье крепостного крестьянина до его призыва на службу, не становились свободными после призыва отца. Семья солдата, таким образом, имела двойное сословное деление. Крепостными по-прежнему считались дети нажитые до призыва мужа в армию.

Представляет интерес и изучение положения солдатских жен, находившихся при мужьях. По российским законам солдаты имели право жить с женой и детьми [18]. Еще петровские указы о первых рекрутских наборах

указывают о том, что новобранец отправлялся к месту службы с женой и «ребятишками». Безусловно, с новобранцами к месту службы ехали лишь те женщины, которые могли решиться расстаться навечно с привычным укладом жизни, с родными. Отправлявшуюся с рекрутом женщину не ожидали впереди ничего заманчивого, напротив, одни лишь невзгоды, частая разлука с мужем, бытовая неустроенность, материальная нужда.

Интересно, что и жена солдата, была ли она приведена им из родной деревни, города, вышла ли замуж уже за воина, попадала в зависимость от полкового командования и получала социальный статус «солдатская жена». Такая женщина уже не имела права распоряжаться своей судьбой, как ей заблагорассудится. Она могла, конечно, подыскивать себе место проживания вне полка, но только с разрешения командира полка.

Военнослужащие имели право «сокупляться законным браком» и период своего солдатства, но только лишь опять с разрешения полкового начальства. Причем, они должны были подтвердить свою материальную «способность» для содержания семьи. Походы, лагерные сборы, маневры часто и надолго разлучали мужа и жену.

Рождаемость в солдатских семьях была низкой – один-два ребенка. Вероятно, солдатки не желали просто плодить «пушечное мясо». Анализ списков военнослужаших, проведенный С.В. Карпущенко [19], позволяет думать, что женами военнослужаших в период их полковой жизни становились в основном дочери тех же солдат. По всей видимости, девушки, подраставшие или в полку при отцах, или при матерях, если те не уходили подыскивать работу, не обладая приданым, никак не могли рассчитывать на хорошую партию, а поэтому и не выходили из военного сословия, становясь солдатскими женами и рожая потом солдатских детей. Девочки по вполне понятным причинам меньше всего упоминаются в воинском законодательстве, заинтересованном лишь в будущих солдатах. Дочери солдата именовались солдатскими девками, и в случае смерти отца имели право на казенное пособие.

Некоторые солдаты, хотя и считались женатыми, но практически же своих не видели с момента рекрутства – они обзавелись супругами еще «крестьянстве», успели даже завести детей, и жены, понимая, что ничего хорошего от солдатского житья не ожидается, остались на прежних местах, давая, впрочем, своим мужьям основание долгие годы считаться семейными.

Отношение населения к таким женщинам-солдаткам было, как правило, неодобрительное. В семье мужа она считалась «лишним ртом» и обрекалась на низшую иерархическую ступень в «большой» семье. Кроме того, общественное сознание россиян традиционно было очень невысокого мнения о нравственности солдаток. Особенно придирчиво следили за нравственными устоями солдаток провинциальные священники, для которых образ жизни солдатки был примером для всеобщего одобрения или порица-

ния. Поведение солдатки нередко сравнивали, относили к аналогичному поведению молодой вдовы, просто одинокой женщины. По наблюдениям Стивена Хока в селе Петровском Тамбовской губернии в первой половине XIX в. большинство рекрут были женаты, оставляя, таким образом, много солдаток, по существу вдов [20]. Солдаток часто обвиняли в распутстве, излишних вольностях, «непотребстве».

Часть солдаток действительно вынуждена была заниматься проституцией, как организованной, зарегистрированной, так и «нелегальной», тайной. Только из зарегистрированных проституток каждая пятая являлась солдаткой. Отмечались случаи, когда этим же ремеслом промышляли и солдатские дочери.

Впрочем, на наш взгляд, развитие проституции в России было напрямую связано, в том числе, и с процессами милитаризации, воздействием военного фактора на повседневную жизнь российского общества в XIX в. Ведь именно военные были одними из самых «активных» посетителей, клиентов как официальной, так и «тайной», нелегальной проституции. Рост венерических заболеваний среди военнослужаших служил мощным стимулом для легализации проституции, желания властей поставить под санитарно-медицинский, полицейский контроль представителей древнейшей профессии [21].

Вероятно, что одним из побудительных мотивов для занятий проституцией у солдаток была неопределенность ее фактического семейного статуса. Женщина-солдатка изначально обрекалась «полу-вдовство». Представляются интересными наблюдения Барбары Энгель об отношении крестьян, в районах с развитым отходничеством, к «одинокой» жизни россиянок. Исследовательница отмечает, что учащались случаи неверности и жен, и мужей... Однако длительное отсутствие мужа иногда приводило к тому, что жену меньше винули. Неверные жены крестьян-отходников часто объясняли свое поведение расхожими представлениями о сексуальности женщин. Не одобряя женской распущенности, они часто относились к ней снисходительно благодаря своим представлениям о непокорности женской природы и необходимости мужского надзора. Например, крестьяне часто терпимо относились к солдаткам, которые, пока мужей не было, сходились с другими. Возможно, с точки зрения крестьян, положение молодых жен, у которых мужья надолго уходили на заработки, напоминало положение солдаток... [22].

Этнографы также подтверждали, что нарушения супружеской верности бывали чаще со стороны жены, что объяснялось отлучками мужа на заработки или более долговременными отлучками на военную службу. «В селах имелись солдатки, занимавшиеся проституцией. В народе про них говорили, что они «затылком наволочки стирают» [23].

В военно-статистических описаниях губерний также указывалось, что повсеместно среди солдаток «находим женщин, предающихся разврату». Например, в Тамбовской губернии к этому разряду принадлежала большая

часть огромного класса солдаток, превышающих число 12 650, из которого только у 625-ти мужья состояли на службе в пределах Тамбовской губернии; остальные же, с лишком 12 тысяч, находились постоянно или временно в разлуке со своими мужьями [24].

Приведем еще несколько характеристик нравственности солдаток. Иногда современники указывали на «первопричину» женской непостоянности: «...Одно уже удаление людей на десятки лет от их семейств служило к распространению разврата. Предоставленные сами себе, без опоры и надзора, молодые женщины, вследствие отсутствия мужей своих, вели большей частью распутный образ жизни» [25].

Этнографы отмечали, что громадное значение для тех, кто ушел на службу женатым, имеет то, сохранила ли жена супружескую верность во время его отсутствия. Нередко бывает, что жена изменяет солдату-мужу и даже имеет незаконных детей. Есть мужья, которые переживают горе и мирятся с тем, что случилось, есть же и такие, которые покидают дом и деревню, не будучи в силах жить в подобной обстановке [26].

Другой очевидец более подробно останавливается на характеристике солдатки и прямо называет негативным «влияние военной службы на народ»: «...Не говоря о солдатках, – которые везде гуляют, сколько хотят. Они, к сожалению, у нас не работают, а добывают себе пищу больше легким образом. Не лучше их семейная жизнь в тесном смысле этого слова. Ужаснейший обычай в крестьянстве женить своих детей до поступления на службу, – обычай, происходящий от необходимости иметь лишнюю работницу, – является источником больших несчастий. Солдатки в громадном большинстве случаев, ведут жизнь страшно распутную. Понятно, что муж таковой, вернувшись, сейчас же узнает про это и начинает жену наказывать, т.е. бить. Еще хуже бывает, если он находит прижитых ею за это время детей. Тогда семейное счастье разрушено на век.

Но помимо того, большинство солдат не только не делаются мягче обыкновенных крестьян в своей жизни, но наоборот, становятся еще грубее и деспотичнее. Привыкшие к военной выправке, они у себя, сознавая свое превосходство, стараются выправить зависящих от них. Так, жен своих они держат в еще большем повиновении, еще больше мудрят над ними. Обычай заставлять жен себе кланяться в ноги при всех для того, чтобы показать свою власть над нею, обычай заставлять их себя разувать, издевательств над женой чаще встречаются у солдат, чем у простых крестьян.

Все остальные последствия милитаризма достаточно известны...» [27].

Особенно трагичным было положение солдатки, муж которой пропал без вести или попал в плен. Им по российскому законодательству «...Дозволялось вступать в новое супружество не прежде как по прошествии десяти лет со времени, когда мужья их взяты в плен или пропали без вести на войне» [28]. Таким образом, солдатка обязана была десять лет

ждать своего мужа, от которого давно не было известий и который не мог уже вернуться в родной дом.

Солдатка, прижившая незаконно ребенка в отсутствие мужа-солдата, не распоряжалась судьбой ребенка, так как по желанию мужа, это ребенок мог быть передан в чужие руки для воспитания, как сирота. Государство оппачивало воспитание такого ребенка в размере пособия в пять рублей серебром, но вряд ли матери было легче осознавать, что ее ребенок становился сиротой.

Иногда сельские общества выносили мирские приговоры, санкционировавшие денежную компенсацию одиноким матерям и женам рекрутов. Часто это выражалось лишь в снятии недоимки или выплате оброка. Экономическое положение осиротевших семей являлось, по отзывам современников, трагическим. Со временем у общинников пропадало желание помогать солдаткам и эта помощь приобретала характер мелочной милостыни.

Нередкими были случаи, когда в ратники ополчения и рекруты брали о единственных работников в семье. Современники с беспокойством писали о судьбе семей этих рекрутов: «на каком положении они останутся, кто их будет кормить и где они обогреются, разве, что миром та деревня будет сие выполнять» [29].

Рекрутчина, безусловно, тормозила распад крупных семей и тем самым оказывала сильнейшее воздействие на семейно-бытовую жизнь деревни. От рекрутчины прямо зависело создание молодых супружеских пар, так как их образование обуславливалось обязательствами крестьянских дворов в отношении рекрутской повинности. Некоторые помещики разрешали свадьбы лишь тем крестьянам, которым не грозила рекрутчина, так как не желали умножения в деревнях солдаток.

Мирские власти в свою очередь не проявляли какого-либо сострадания к солдаткам. Так, например, солдаткам не выделялась земля на незаконно-рожденных детей.

Одним из интересных и панорамных источников о повседневной жизни солдаток, бытовом укладе их жизни, являются фольклорные источники. Справедливо утверждение Л.Н.Пушкарева, что этот тип исторических источников может дать историкам дополнительный материал, ибо песни, сказки, поговорки и пословицы отразили в художественной, образной форме отношение народа к военной службе, к воинской повинности. По мнению автора, «солдатчина» в народном сознании отразилась, как «горе великое» [30].

Особое место занимает описание солдатской службы в русских плачах. Свообразие этих впечатляющих картин страданий и мучений солдата заключается прежде всего в том, что слагались и исполнялись они не самими солдатами, а их матерями, женами, сестрами, соседками. Солдатская служба, таким образом, изображается сквозь призму женского мировоззрения, женской повседневной-бытовой культуры. Зоркие глаза матери острее видят все невзгоды, которые переносит на «злойдейной службе государевой» ее

родной сын, тоскующие очи жены зорче воспринимают те обиды, которые приносит военная служба.

На протяжении XIX в. в крестьянской культуре трансформировалось отношение к явлению, вызвавшему возникновение рекрутской обрядности, — в службе в армии. Происходила смена акцентов в смыслах, которые носители культуры придавали этому событию.

Каждый рекрутский набор становился, с одной стороны, значимым событием в частной жизни семьи и в судьбе конкретного человека, а с другой стороны, он являлся государственной акцией, проходящей в масштабах страны, губернии, города, деревни. В результате появлялись источники двух типов: во-первых, описывались обрядовые действия, сопровождавшие проводы на военную службу (этнографические описания) и фиксировались соответствующие фольклорные тексты [31]. Во-вторых, в периодических изданиях появлялась информация о конкретных ситуациях отправления в армию (включая, например, речи священников перед жеребьевкой), сведения о результатах наборов. Сюда же следует отнести законы и постановления, касающиеся организации набора, а также специальные издания или публикации в прессе, где эти законы разъяснялись [32].

Рекрутский обряд возникает как реакция культуры на определенное событие — уход молодого человека на армейскую службу. Рекрутская обрядность может рассматриваться как «ответ» крестьянской культуры на «запрос», предъявленный ей некоей внешней силой, государством [33].

В фольклорных произведениях отразилась зависимая жизнь солдатки и семье мужа и двусмысленность ее положения в деревне, порождавшая сплетни и пересуды [34]. В «Причитаниях Северного края», собранных Е.В.Барсовым, отразилась беспроектная жизнь солдатки: «...Подобное же нравственное разложение крестьянской семьи производила былая рекрутская система, отнимая весьма часто мужа у жены. Положение последних было ужасно. Печать отвержения и клеймо позорного имени всю тяжестью ложились на этих несчастных и нравственно угнетали их на каждом шагу. Беда постигавшая была так велика, что жена предчувствовала грозившую ей кручину. И стала слыть она не вдовой — женой немужней, а бедной солдаткой...» [35].

Бытовая жизнь рекрутки и ее плачи были специально изучены Е.Добрынкиной [36], которая отметила, что «...Вопить над рекрутом, — почитается у крестьянок священным обыкновением, и тогда состоится приговор общества о взятии парня в рекруты, жена садится на лавку и начинает вопить. Вслушиваясь в эти вопли и причитания крестьянок, невольно задаешься вопросом: откуда взята эта самобытная народная поэзия? Кто вложил эти слова в уста женщины? Ведь не лицемерие же это, не притворство. Нет, здесь каждая строфа дышит глубоким горем, которому нет исхода и нет ниоткуда помощи. Первостепенную роль играет здесь горе жены. По уходу мужа из дому чем делается она? Что такое ее личность? Ничто! Хуже последней наемки...

Потеряв терпение, соскучившись одиночной жизнью, измученная семейными дразгами, идет из дома вон, куда-нибудь в село или город на заработки... Однако же свобода не служит ей на пользу. Она не умеет справиться с ней, привыкши до сих пор ходить на помочах и жить под вечным гнетом. Женщина распускается и начинает вести жизнь не стесняемую никакими правилами нравственности. Рекрутка этому счастьем рада, теперь она погуляет на всей своей вольной волошке и кончает тем, что поступает на готовые харчи к какому-нибудь солдату или пролетарию из мастеровых...» [37].

Таким образом, фольклорные источники помогают в реконструкции, воссоздании облика, повседневно-бытового уклада российской солдатки.

Рассмотрим и воздействие других натуральных повинностей на жизнь россиянок в XIX в., в частности военного постоя. По отзывам современников, постоя являлся самой тягостной повинностью для русского народа. Крестьяне подвергались от постоя войск большому разорению. Кроме помещений войска надо было снабжать и фуражом, отводить луга и покосы для лошадей [38].

К началу XIX в. русская армия не имела казарм и размещалась на постое. Несмотря на существование целого ряда нормативных актов, определявших взаимоотношения постояльцев и их хозяев, отношения между теми и другими редко были безоблачными, особенно в деревне, где отсутствие властей и заботность крестьян делали военных полными хозяевами положения. Самоуправство постояльцев, бесчинства были чрезвычайно распространены. По отзывам современников, «...русский солдат является бичем для своего хозяина: он распустывает с его женой, бесчестит его дочь... ест его цеплять, его скотину, отнимает у него деньги и бьет беспрестанно...» [39].

Крестьяне села Гатищева Орловской губернии писали Николаю I о тягости постоя: «...солдаты старались всячески нас разорить, забрав зимой у всех весь без остатка овес, не оставив нисколько на обсеменение полей, которые и остались пустыми... уничтожили у нас на огородах почти все овощи, так что оставили нас к зиме даже без капусты» [40].

В заключении, хотелось бы подчеркнуть новые возможности реконструкции социально-экономического облика, менталитет, особенности повседневной жизни российской солдатки, используя современные информационные технологии. Речь идет о создании электронных баз данных (далее — БД) и введении в научный оборот значительных массивов первичного архивного материала. К настоящему времени в ходе изучения влияния военного фактора на повседневную жизнь населения Тамбовской губернии автором сформированы БД: «Отпускники» и «Рекрут». БД «Отпускники» создана на основе поездных списков отпускных нижних чинов Тамбовской губернии XIX в. Ее информационными полями являются данные о месте жительства, возрасте, сословии, семейном положении, воинском звании, роде войск, занятиях отпускника, перемещениях

его в пределах губернии, дате увольнения и постановки на учет. Материалы БД «Отпускники» позволяют проанализировать то, как вчерашние рекруты находили свою «нишу», приспособлялись к гражданской жизни, выбирали занятия и решали семейные проблемы.

БД «Рекрут» представляют собой официальную форму, которая должна была заполняться в рекрутском присутствии и содержала обязательные для заполнения сведения: фамилия, имя, отчество рекрута, его возраст, рост, приметы (цвет волос, глаз, состояние зубов), сведения о месте жительства (городе, уезде, селе, деревне, слободе), социальном статусе (из мещан, помещичьих, удельных, государственных крестьян), семейном положении (холост, вдов, женат), данные о жене, детях (их пол и возраст), отметка о беременности жены. Приведем пример сведений об одном из рекрутов 96 набора (март 1831 года): «Митрофан Романов Рожнов, из однодворцев, села Малые Пупки, Козловского уезда, 26 лет, роста – 2 аршина 35/8 вершка, лицом бел, волосом рус, глаза серые, нет четырех зубов. Жена – Домна Ефремова, сыновья: Терентий – 9, Филипп – 4 лет, дочь Агафья – 2 лет. Жена беременна». Таким образом, исследователь получает возможность глубокого изучения военного сословия, некоторых аспектов его повседневной жизни.

Размеры статьи не позволяют остановиться на характеристике других последствий воздействия «военного фактора» на повседневную жизнь россиян в XIX в. В частности, вне нашего анализа оказались собственно последствия военных лет, войн, которые вела Россия в XIX в. Однако, вне сомнения, военные, армия, милитаризм оказывали значительное влияние на «рядового» россиянина, оставляя наиболее глубокий след в судьбе женщины-солдатки. Современники не случайно констатировали, что «сословие солдатских жен, бесспорно, самое несчастное и неопределенное сословие в Государстве, вошедшее даже в поговорку народа... Их положение – жалкое». К сожалению, «неприкаянность» солдаток сохраняется и в российской историографии. Проблемы «женщина и война», «женщина и армия» еще ждут своих исследователей и обещают много открытий и неразгаданных страниц российской истории.

Примечания

1. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. №3. С.126.
2. Lütke, Alf: Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt 1989 (Herausgeber und Beiträger). Lütke, Alf: Was bleibt von marxistischen Perspektiven in der Geschichtsforschung? Göttingen, 1997.
3. Пенца М. Военное дело и народная жизнь. Пер. с нем. Варшава, 1998. С.1.
4. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С.243.
5. Армия в истории России: Мат-лы междуз. науч. конф. Курск, 1997.

6. Война и общество: Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. П.П.Щербинин. Тамбов, 1999.
7. Человек и война (Война как явление культуры): Сб. статей / Под ред. И.В.Нарского и О.Ю.Никоновой. М., 2001.
8. Ab Imperio, 2001. №4.
9. CDie Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg / Hrsg.: Nikolaus Buschmann; Horst Carl. – Paderborn; Muenchen; Wien; Zuerich, Schoeningh, 2001 и др.
10. Beyrau, Dietrich: Militaer und Gesellschaft im vorrevolutionaeren Russland. Koeln. 1984. Dietrich Beyrau Das Russische Imperium und seine Armeie // Militaer und Gesellschaft / Ute Frevert (Hrsg.) – Stuttgart, 1997 и др.
11. Щербинин П.П. Военное сословие в социальной структуре российского общества в середине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии) // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000. С.41
12. Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. СПб., 1848.
13. Ячменихин В.К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник МГУ. 2000. №1.
14. Протокол заседания Тамбовского губернского статистического комитета. 22 мая 1867 года. Тамбов, 1967. С.6.
15. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.2. М., 1958. С.280.
16. Лапин В. Семеновская история. Л., 1991. С.38.
17. Мысли о рекрутских присутствиях в мещанских обществах // Военный сборник. 1861. №4. С.323.
18. Брандт П. Женатые нижние чины // Военный сборник. 1960. №12. С.357.
19. Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-сост. С.В.Карпуценко. М., 1999. С.29.
20. Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. Пер. с англ. М., 1993. С.142.
21. Щербинин П.П. Проституция, армия, сифилис в российской общественности в XIX – начале XX вв. // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Мат-лы междунар. науч. конф. 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П.П.Щербинин. Тамбов, 2001. С.98.
22. Барбара А. Энгель Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (19-20 вв.): Мат-лы междунар. конф. М., 1996.С.86.
23. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н.Тяпшова (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. С.276.
24. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.ХIII. Ч.1. Тамбовская губерния. СПб., 1851. С.34.
25. Тамбовские губернские ведомости. 1859. №14. С.99.
26. Тенишев В. Административное положение русского крестьянина. СПб., 1908. С.104.
27. Записки земского начальника Александра Новикова. СПб., 1899. С.188.

28. Друг женщины. 1883. №8.
29. Цит. по кн.: Александров В.А. Указ. соч. С.250.
30. *Пушкарев Л.Н.* Солдатская песня – источник по истории военного быта русской регулярной армии XVIII – первой половины XIX в. // Вопросы военной истории России. М., 1969. С.422.
31. *Певин П.* Рекрутские обычаи и причитания Олонетцкой губернии // Олонетцкие губернские ведомости. 1895. №80, 81, 84; Поздняков Т. Набор [рекрутов] Владимирские губернские ведомости. 1898. 27 ноября №48. С.4-7 и др.
32. *Кормина Ж.В.* Рекрутский обряд: структура и семантика (на материалах севера и северо-запада России XIX-XX вв.). Автореф. дисс. ... канд. культуролог. наук. М., 2000.
33. *Кормина Ж.В.* Рекрутский обряд: к проблеме структурного анализа // Актуальные проблемы культурологии: Тез. докл. III междунар. конф. Екатеринбург, 1998. С.55-56; Ее же. Рекрутская обрядность: ритуал и социально-исторический контекст: Мат-лы конф. «Мифология и повседневность» Сост. К.А.Богданов, А.А.Панченко. СПб., 1999. С.36-50.
34. *Ульянов И.И.* Воин и русская женщина в обрядовых причитаниях наших северных губерний // Живая старина. Пг., 1914. Вып.3-4. С.251-253.
35. Причитания Северного Края, собранные Е.В.Барсовым. Т.2. Рекрутские солдатские причитания. М., 1997. С.38-45.
36. *Добрынкина Е.* Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т.1. Вып. Владимир, 1876. С.119-130.
37. Там же. С.130.
38. *Неупокова В.И.* Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века. М., 1987. С.198.
39. Цит. по.: Лапин В. Указ. соч. С.39.
40. Цит. по кн.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Т.2. М., 1958. С.493.